

Любовь ШАШКОВА,

*народный писатель, заслуженный деятель Казахстана,
лауреат Международной литературной премии «Алаш»*

ВОСХОЖДЕНИЕ: УРОКИ АКИМА ТАРАЗИ

В конце апреля в Астане на 92 году жизни скончался Аким Уртаевич Ашимов (Тарази). Достойным признанием заслуг перед Отечеством стало присвоение ему в 2021 году звания «Қазақстанның Еңбек Ері» (Герой Труда Казахстана) с вручением особого знака отличия – Золотой звезды – за выдающийся вклад в социально-гуманитарное развитие Республики Казахстан – заслуженному деятелю Казахстана, выдающемуся казахскому прозаику, драматургу, киносценаристу, лауреату Государственной премии РК имени Абая и Международной литературной премии имени Франца Кафки.

Автор романов «В тени протуберанца», «Жаза» («Возмездие»), «Москва – Баласаз», «Тасжарган», пьес «Несмешная комедия», «Хороший человек». «Везучий Букен», сценарист фильмов «Следы уходят за горизонт», «Выстрел на перевале Караш», «Молитва Лейлы», «Мустафа Шокай», педагог, посвятивший тридцать лет работе с творческой молодежью – сначала в качестве профессора Академии художеств им. Жургенова в Алматы, а с переездом в Астану – профессора Казахского национального университета искусств и руководителя столичного филиала Союза писателей Казахстана.

В этом перечислении заслуг хочется акцентировать главное: творческое и духовное восхождение незаурядной личности, чьи жизненные уроки, отразившись в его произведениях, полезны и необходимы нам всем сегодня – и его студентам, и коллегам – писателям, преподавателям, и многим читателям книг Акима Тарази.

Мне довелось постигать это восхождение и эти уроки постепенно, с радостью встречая каждую новую переводную его вещь, охотно откликаясь на предложение побеседовать для публикаций в газете «Казахстанская правда», журналах «Простор», «Нива», иногда в офисах редакций, но чаще всего дома, в их с Розой Мукановой квартире. Как расширился для меня мир, как углублялся взгляд на общественные явления, известных и неизвестных ранее людей в этих беседах, рождавших его блистательные эссе! А какую проверку на художественное сопереживание, способность за внешним сюжетом увидеть, почувствовать авторское иносказание, предстояло еще пережить, готовя к публикации в «Просторе» (№ 9, 2014, № 9, 2015) романы Акима Тарази «Жаза» («Возмездие») и «Москва – Баласаз» в собственном переводе автора!

...С Акимом Уртаевичем Тарази мы привыкли беседовать в гостиной, основную площадь которой занимает массивный гостевой стол с удобно расположенными на нем книгами, журналами, газетами, тетрадями, блокнотами, – всё под рукой. Такой же был и в их алматинской квартире на улице Шевченко, которую чем-то напоминает нынешняя, астанинская, где тоже в писательском

обиходе нет письменного стола, а есть этот, просторный, со столешницей, что ровная степь.

О чем только не беседовали мы в десятилетия незаметно сближившей нас жизни: о первых президентских выборах и нашем бедном ауле, о вечной философии приспособленцев «не высовываться» и тихом мужестве противостояния всяческим попыткам сломать или согнуть таких людей, как Тельман Жанузаков, который первым, кстати, будучи собственным корреспондентом газеты «Правда» по Казахстану, объявил всесоюзному читателю, что ущелье Медео и одноименный коток должны звучать как МедеУ, по имени человека, открывшего этого ущелья и владевшего этой землей! Дорого стоила в те времена Тельману Жанузакову эта буква!

Беседовали мы о коросте коррупции и трех источниках исторического оптимизма моего героя, о проблемах кинематографа, его устаревающей «новой волне» и фильме «Кочевник», о Нурмухане Жантурине, выламывавшемся из тесных рамок, в которые его хотело загнать время, о Мухтаре Омархановиче Ауэзове, сказавшем когда-то в присутствии молодого писателя на всю жизнь памятную фразу: «Не только критик оценивает книгу, но и книга оценивает критика», то есть выявляет его интеллектуальный, художнический уровень.

И это один из главных жизненных уроков Тарази – равнодушие к происходящим событиям, людям, жизни, книгам!

Это он в 1991 году после поездки в Монголию добился встречи с Президентом и поднял проблему оралманов, жизни казахов за рубежом, их возвращения на родину. По распоряжению Н. А. Назарбаева был создан специальный фонд, но уже через год Аким Тарази увидел, как к деньгам потянулись и праведные, и неправедные руки, и отошел от начатого дела. Его равнодушие к жизни проявилось и в том, что они с женой, писательницей Розой Мукановой, от налаженного быта и устоявшихся творческих и человеческих связей, разом собравшись, с малолетними детьми, переехали в молодую столицу Астану.

К 2004 году – времени переезда из Алматы, Аким Тарази уже был лауреатом Государственной премии за свои романы «Жаза» («Возмездие») и «Москва – Баласаз», закончил работу над сценарием фильма о Мустафе Шокае, который позже снял Сатыбалды Нарымбетов, самый именитый наш кинорежиссер. С неизменным успехом идет и фильм Нарымбетова «Молитва Лейлы», сценарий которого вместе с режиссером-постановщиком писал Аким Тарази по известной повести Розы Мукановой «Ангел с дьявольским лицом» о жителях селения Дегелен, затерянного вблизи смертоносного Семипалатинского полигона. Этот фильм имеет престижные награды на кинофестивалях, включая российский «Киношок». «Ангел с дьявольским лицом» – так называется и поставленный режиссером Болатом Атабаевым спектакль, с неизменным аншлагом шедший на сцене театра имени Ауэзова десять лет. Это лишь немного из того творческого багажа, с которым новоселы прибыли в столицу. И, спустя все двадцать прошедших лет, ни разу не пожалели о предпринятом переезде. Новая столица подарила новые встречи, новые книги, новые писательские и читательские открытия. С первых лет казахстанской независимости Аким Тарази усиленно пропагандирует труды отца Иакинфа, четырнадцать лет работавшего в русской православной миссии в Пекине, о котором впервые прочитал у Чокана Валиханова и настоящее имя которого – Никита Бичурин. Это из его «шинели», а вернее рясы, по определению Тарази, вышли и Бартольд, и Радлов, и Гумилёв, и другие этнографы-евразийцы. Год за годом видела я труды Бичурина на столе писателя, испещренные его бисерным почерком и неисчислимыми подчеркиваниями особо важных мест. Не уставая говорил он о значении этих трудов для исторической идентификации казахов как госу-

дарствообразующей нации, обращая к памяти умершего в нищете и неизвестности ученого емкое русское слово – **благодарение**.

Аким Тарази собрал из своих публицистических материалов книгу на русском языке, которую так и назвал «Тихое мужество противостояния», потому что не только в других, но и в себе дорожит этой способностью противостоять обстоятельствам, не плыть по течению, сопротивляться времени – будь то удручающе теплые объятия тоталитарной системы, или акулья жадность насыщения нынешних времен. **Своими книгами, своей жизнью Тарази дает нам урок этого тихого мужества противостояния: «Писатель – оппонент любой власти» – эти выстраданные слова вынесены в заголовок диалога Тарази с известным критиком, доктором филологии, профессором Виктором Бадиковым.**

Оппонент не потому, что не прикормлен, не обласкан, обделен званиями и чинами, а потому что природа творчества такова: писатель извлекает художественную действительность из глубин собственной души. «Именно в глубины собственной души смотрит автор, создавая образы своих героев, – пишет Валерий Михайлов в очерке об Акиме Тарази “Писатель – это цветок, который растет на камне”. – И чем глубже и пронизательнее его взор, чем правдивее художник, тем большую ценность представляют его произведения».

Этим правдивым и пронизательным проникновением в свое время, мужеством противостояния всему, мешающему молодой казахстанской независимости утверждаться на многострадальной казахской земле, отличается и эссеистика Акима Тарази. За такого рода эссеистику ратовал Мурат Ауэзов, приводя слова Алехо Карпентьера, утверждающего, что «латиноамериканские созидательные процессы стали возможны потому, что писатели вовремя осознали, насколько мощным оружием является эссеистика в формировании общественного сознания, в самоидентификации, в поиске собственного пути».

«Мне кажется, что каким бы ни было общество – свободным, демократичным, тоталитарным – оно сознательно или бессознательно старается выдавить писателя из “своей массы”, мне даже кажется, чем демократичней оно, тем больше это общество старается избавиться от писателей. Но писатель уж такой твердый и упругий материал: чем больше трудностей, тем крепче он становится. Свирепым было советское общество, но каких писателей мы имели – М. Ауэзов, М. Жумабаев, М. Шолохов, А. Платонов, Ю. Казаков!.. Как бы ни относились к писателю в разные времена и на разных уровнях, писатель – это цветок, который растет на асфальте, на камне». «Тасжарган» – цветок, выросший из камня, так называется один из его последних романов, еще ждущих своего перевода на русский язык.

«Если составить букет из одних белых ромашек – это будет скучно. Если составить букет из одних красных роз – тоже однообразно. И только божественный букет из разных цветов – великолепный, гармоничный букет. Это самое большое достижение – разноцветье букета мирных народов. Только признав, что другой человек, несмотря на языковой барьер, на иной цвет кожи, равен с тобой, мы дадим миру шанс восторжествовать!» – написал Тарази в напутственном предисловии к литературному альманаху «Казахстан – Россия» в 2018 году.

Писательская судьба самого Акима Уртаевича развивалась достаточно стремительно и успешно, хотя пришел он в литературу, по собственному признанию, довольно поздно – в 33 года, но с благословения Габита Мусрепова. По его же настоянию очутился начинающий прозаик и в кино, хотя считает здесь себя «птенцом гнезда» ссыльного Льва Игнатьевича Варшавского, ведущего сценарную студию на «Казахфильме». Уже первый написанный Тарази сценарий – дипломная работа на высших сценарных курсах ВГИКа – «Следы

уходят за горизонт», поразил необычностью сюжета и характеров главных героев. Это сейчас фильм, снятый Мажитом Бегалиным, признан классикой, а тогда интерес его создателей к безвестному, трусливому чабану, от которого ушла жена, был странен. Но именно этот «положенный на полку» фильм, по мнению известного киноведа, профессора Бауыржана Ногербека, «определил новый “безгеройный” этап в развитии казахского кинематографа. Это была первая отечественная картина, снятая на казахском языке». Аким Тарази принадлежит к плеяде основателей казахского кино, если иметь в виду профессиональную кинодраматургию. Используя новую, заложенную сценарием киноэстетику, режиссер М. Бегалин и оператор А. Ашрапов создали поэтическое полотно о единстве природы и человека, нравственно-этические нормы которого суть извечные законы бытия. «Так свободно, легко и органично уживаются в фильме традиции народной этики с сюжетными перипетиями вечно живого любовного “треугольника”», – пишет Бауржан Ногербек.

Аким Тарази совместно с режиссером-постановщиком написал сценарий известного фильма Болота Шамшиева «Выстрел на перевале Караш» по прозе Мухтара Ауэзова. И уже в возрасте 36 лет стал первым секретарем Союза кинематографистов республики, а это была номенклатурная должность, утверждаемая в Москве. А в середине 80-х, будучи журналистом литературной редакции Казрадио, я прибегала к секретарю правления Союза писателей по международным связям Акиму Тарази, с просьбой прокомментировать события в литературной жизни, рассказать о своих последних книгах. Уже тогда он был самобытным писателем, достойно представленным в мощной генерации поколения «детей войны» – Абиш Кекилбаев, Саин Муратбеков, Калихан Искаков, Дулат Исабеков, Тулен Абдииков, Оралхан Бокеев. Однако пьесы этого известного писателя «Везучий Букен», «Несмешная комедия», как правило, выдерживали в советское время не более трех премьер и снимались из репертуара – за остроту проблематики, хотя формулировки всякий раз были вполне невинные.

Что же формировало самого писателя Акима Тарази и сильнее всего повлияло на него? Ответ на этот вопрос дает нам представление о природе творчества писателя, черпающего, по его признанию, свои этические и эстетические максимы из казахского фольклора с его богатейшим словарем, из казахского эпоса – с его героическими батырами, народными заступниками.

«А из нашего героического эпоса, прежде всего – “Ер-Таргын”, – уточнил как-то писатель. – Непривычный, странный там главный герой. Он отнюдь не сокрушает всё и вся, вроде какого-нибудь сказочного богатыря или нынешнего киношного Бэтмана. Ер-Таргын – интеллект, весь из нервов, он, по сути, обыкновенный, незащищенный человек. Эпические батыры – они умеют только побеждать, Ер-Таргын же защищает, спасает народ. А на следующее утро те, кого он спас, бросают его, перекочевывают в другое место. Он легко ранен, но народу уже не нужен. И вся поэма – о том, как Ер-Таргын прощается с конем, с женой, с людьми, которые предают его, бросая в одиночестве. Когда я в зрелости перечитывал сказание, то, восхищаясь в который раз Ер-Таргином, всегда вспоминал Баурджана Момышулы. Их образы сливались в моем воображении. Вот так же полковник Момышулы, всем необходимый во время войны, после неё стал никому не нужен...»

Вот такой нравственный урок преподает нам всем Тарази, словно предлагая оглянуться вокруг: кого мы оставили за ненадобностью, рванув вперед?!

А сложные перипетии романов «Жаза» («Возмездие») и «Москва – Бала-саз» открывают с течением времени и с каждым прочтением всё новые и но-

вые смыслы для читателя. Казалось бы, готовя их для публикации в журнале «Простор», не менее трех раз прочитав их, я многое уяснила для себя в непростой романной фабуле. Но готовясь к юбилейной конференции к 90-летию Акима Тарази и вновь перечитав – благо они небольшие – я снова столкнулась с неразрешимыми вопросами. Думаю, именно из-за сложности психологических рефлексий героев и их возможных трактовок Аким Тарази оба романа, за которые он получил Государственную премию Казахстана в области литературы, сам взялся за перевод. Да и не везло ему на переводчиков. (Не удовлетворившись переводом романа «Путь к черной звезде», Аким Уртаевич перевел его уже в новые времена своему духовно близкому другу – писателю Геннадию Дороницу. В новой авторской редакции роман стал называться «В тени протуберанца».)

Отмечая глубинную связь между двумя последними произведениями писателя «Жаза» и «Москва – Баласаз» и романом «В тени протуберанца», Валерий Михайлов пишет о предельной смелости и остроте, с которой автор вторгается в глубины человеческой психики, в те «трагические процессы в людском сознании, которые происходили в канун распада Советского Союза. Писатель чутко уловил эти потрясения...». А ведь толчком к написанию их послужили обычные заметки в хронике происшествий. В первом – факты самосожжения женщин в Южном Казахстане, во втором – убийство отцом, бывшим «афганцем», двоих своих детей. Но не так ли и Достоевский в криминальной хронике разглядел величайшие драмы человеческой души и грядущие трагедии всего общества?

Болезнь душой за «малых мира сего» – наигуманнейшая из всех миссий, которую берет на себя писатель в расколотом противоречиями мире, призывая «милость к падшим». И ведет за собой этой нелегкой дорогой читателя, который проходит с ним уроки человеколюбия.

Предвидя неготовность постперестроечного общества постсоветского пространства к восприятию своего «неадекватного» героя Або (Абралы) в романе «Жаза» («Возмездие») и сложности с его публикацией, писатель устраивает авторскую мистификацию, сделав своего героя одновременно и японцем, и казахом, город, где происходит действие, называя и по-японски – КЁГЁСИ, и по-казахски – КЕГЕНЬ, а роман представляя переводом с японского.

«Примерно полгода я создавал образ этого человека, – рассказывал аким Уртаевич о работе над романом. – Он стал мне родным, постепенно приобрел облик человека интеллигентного, очень доброго. У него прекрасная жена и дети. Постепенно менялось мое отношение к герою. Его поступок уже не казался мне диким. Анализируя, мучаясь полгода, я открывал для себя, что он не виноват. У меня даже созрело что-то вроде теории, что человек – такое же явление, как земля, имеющая тонкий плодородный слой, всего несколько сантиметров. Если человек по глупости уничтожил в себе этот слой, то сам превратился в пустыню. Мой герой, находясь на афганской войне, потерял этот тонкий культурный слой, его поступок стал мне казаться чем-то иным – не затмением рассудка или варварством. Это был уже не его поступок, а общества, которое взрастило его таким, каким он стал. И высокий поэтический эпизод романа стал наградой мне, хотя в нем идет речь о самоубийстве Або...»

– Знаешь, – признавался Аким Уртаевич, – мне кажется, в комиссии никто не читал эти романы, хотя они маленькие, всего по четыре печатных листа! Иначе бы премию не присудили! А вот читатели, – на глазах серьезнеет он, – после публикации романа «Жаза» в журнале «Жұлдыз» встали на сторону моего героя. Это было странно, хотя именно этого я и добивался, такую себе ставил необычайно трудную художественную задачу. Выйдя из пекла афганской войны, разувшись во всем человеческом роде, герой не хочет

подвергать аду современной жизни своих детей, к тому же зараженных тою же лучевой болезнью, которой в Афгане заразили его самого... Но разве вправе человек забирать то, что дано Создателем? Вот ведь в чем вопрос.

К 90-летию Героя труда Казахстана «Простор» опубликовал статью Рены Жумановой «Интеллектуальные ловушки Акима Тарази», представив в ней анализ его творчества последних лет – романов «Жаза», «Москва – Баласаз» и эссе «Андрей», еще не имеющего публикации на русском языке. Рена Жуманова – двуязычный поэт, прозаик, переводчик, музыковед и литературовед – имела возможность сравнить и проанализировать казахский и русский вариант романов, составив свой особый взгляд на творчество классика.

Толен Абдиков с восхищением замечает, что далеко не каждый писатель, подобно Тарази, способен в солидном возрасте так перестроиться, открыть для себя и в себе другой стиль, другой взгляд на мир и способ подачи материала. И это бесстрашие в следовании жизненным и творческим переменам – самый, может быть, поразительный его урок нам...

Разговор о восхождении и уроках личности Акима Тарази не будет полным, если не сказать об их писательском тандеме с Розой Мукановой, музой, соратником, женой, книгами которой он гордился много больше, чем своими. Сегодня профессор Роза Кажыгалимовна Муканова ведет сценарную мастерскую в Казахском национальном университете искусств, она – автор многих книг прозы, пьес, отмеченных на республиканских творческих конкурсах и высшей – Государственной премией РК им. Абая. Как-то я задала Розе вопрос, который наверняка интересует любую читательскую аудиторию: помогает ли классик казахской литературы Аким Тарази в ее работе? Черпает ли она здесь свои уроки? Свои творческие мастер-классы?

– Когда Аким Уртаевич пишет, то мне до поры не показывает свою рукопись. Некоторые вещи он вообще не дает читать, даже по моей просьбе, – ответила она мне тогда. – А когда пишу я, то мне обязательно нужно, чтобы он это прочитал, высказал свое мнение. Хотя я и без слов вижу его отношение к произведению... Но однажды был такой случай: прочитав мою рукопись, он сказал: всё прекрасно, но вот в этом месте я бы сделал по-другому... Я не приняла его совета, ответила: «Вот в своем произведении, Аким Уртаевич, и воспользуетесь этой идеей...» Но если серьезно, мне очень повезло, казахи говорят: «Если собрался в долгий путь, имей друга, который знает больше тебя, тебе будет интересно». А я верю, что наш совместный путь будет долгим...

И я думаю сегодня, еще не успев смириться с утратой, еще не привыкнув писать об Акиме Уртаевиче в прошедшем времени, как много, должно быть, своими трудами и делами они угодили Господу, открывшему им этот долгий, взаимно насыщающий путь. Путь, на котором они обогатили и поддерживали еще многих и многих людей.

И еще, вспоминая наши встречи с Акимом Уртаевичем, я думаю о том, какого «просвещенного ходатая», говоря словами Достоевского о Чокане Валиханове, потеряла многонациональная казахстанская литература в лице Акима Тарази. С каким вниманием он относился к новым произведениям Валерия Михайлова, Геннадия Доронина, Надежды Черновой, Лаврентия Сона, Станислава Ли, Герольда Бельгера, не только с интересом прочитывая их, но и отмечая произошедшие с автором перемены, но и пробивая, при необходимости, этим произведениям путь в издательства.

Однажды в одну из встреч, подойдя к окну их гостиной, я увидела на западе небосвода широкую полосу поднимающейся в морозном воздухе радуги. «Ой, какое чудо, надо загадывать желание!» – не удержалась я.

– Радуга в мороз в степи не редкость, – пояснил степенно Аким Уртаевич, и не стал скрывать свое заветное желание: – Я лет семь жил один, и помню, в мечтах возникали самые разные мечты и сюжеты. Но с появлением Розы и детей сюжет у меня развивается один-единственный: дети маленькие, дети подрастают, дети – студенты. Сын женится. Дочь выходит замуж... И крути «киноленту» сначала...

Возвращаясь из Астаны и глядя на вековую степь, плывущую за вагонным окном, словно аукнувшуюся с тем небесным морозным пейзажем, я написала стихотворение, посвятив его Акиму Тарази. Мне хочется попрощаться им с Акимом Уртаевичем, одарившим меня в жизни своим душевным участием и теплом, обращая к его памяти хорошее русское слово «БЛАГОДАРЕНИЕ», а слова утешения и поддержки – к его преданной спутнице, Розе Кажыгалимовне Мукановой и к их детям – Алпамысу и Арузе. Пусть всё в их жизни свершается по отцовскому завету.

Степь

Акиму Тарази

Какой глубокий горизонт
Зимой под Карагандою.
Небесной мерянный верстою,
Чтоб даже взор достать не мог.

Чтоб даже птице – долететь,
Чтоб даже всаднику домчаться
Не в силах было. Оказаться
В степи зимою – та же смерть.

И здесь жила моя душа.
В безбрежности носима ветром,
Влекома к дальним миражам,
Не отторгаемая степью...

За неприметною Нурой,
Затерянной за снежной пылью,
Совсем, совсем иной порою
Здесь те же горизонты плыли.

А поезд мчится наугад
Стальной дорогой от вокзала,
От той меня, что век назад
Свою колееку не признала.

Небесной мерянный верстой,
Не нами путь наш обозначен.
Гляжу на степь во мгле пустой.
И узнаю ее. И плачу.